

НАША СТРАНА

Год издания 67-й. Буэнос Айрес, 20 июня 2015

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 20 de junio de 2015 No. 3015

О СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЕ - С ПРАВОСЛАВНЫХ ПОЗИЦИЙ

Двадцать один год назад в журнале «Новый Мир» (1994, № 4) была опубликована моя статья «Сатанинские звезды и священная война: современный роман в контексте русской духовной традиции».

С одной стороны, она не осталась незамеченной. Например, сразу же была переведена на английский, переиздана в США. Позднее, в юбилейном обзоре истории журнала «Новый Мир», опубликованном «Независимой Газетой», который имел название «От Луначарского до Василевского», она была названа даже названа наиболее заметной за последние 10 лет в журнале. Более-менее общим местом постсоветской критики было убеждение, что статья является такой вехой, которая завершает «линию» Твардовского.

С другой же стороны, эта работа подверглась ожесточенной критике как в так называемых «демократических» кругах общности Российской Федерации (особо отличился журнал «Знамя», где ей была посвящена огромная «разоблачительная» статья тогдашнего главного редактора «Вопросов литературы» Лазаря Лазарева «Былое и небылицы»), так и в «патриотических» (например, в журнале «Молодая гвардия»).

Почему? Потому что на материале советской и пост-советской литературы о войне были поставлены некоторые нерешенные проблемы.

Интересно здесь то, что за прошедшие годы эти проблемы не разрешились, а наоборот, обострились.

В новмировской публикации речь шла о романе В. Астафьева «Прокляты и убиты» сравнительно с «лучшими», так сказать, советскими образцами подобного жанра: текстами Б. Окуджавы, В. Некрасова, Б. Блантера. Я анализировал неистребимую «советскость» этих образцов; обращал внимание на то, что базируются эти тексты на некоторых неизбывых советских постулатах. В частности, в них, в отличие от предшествующей русской военной прозы любого периода (имеется в виду **русская**, а не советская литература) абсолютно дегуманизируется фигура «врага» — точно так же, как дегуманизируется фигура врага советской власти у Маяковского и других советских поэтов.

«Враг», согласно этой логике, не имеет и не может даже иметь чело-веческого лица, а потому и не за-служивает человеческого к себе отношения. Проживая в стране, которая специализировалась на разоблачении разнообразнейших разновидностей «врагов», советские авторы и своих героев наделяли соответствующей установкой. Например, в повести «На войне как на войне» ее автор В. Курочкин изображает симпатичного младшего лейтенанта, которому при виде убитого немецкого офицера «стало весело. А как же иначе? Это же не люди, а фашисты». Враги внутренние при такой установке тоже «не люди»: «Малешкин думал о богатом доме, о красивой неприветливой хозяйке и сам себя спрашивал: «Почему она такая? Или с фрицами яшлась? Или она в самом деле попова дочка?»».

Излишне говорить, хотя именно это я и напомнил в «Новом мире», что подобный подход абсолютно чужд русской традиции — и не только в военной прозе — но и русской традиции как таковой. Достаточно вспомнить не только кавказские повести Льва Толстого, но и его эпопею, да и в целом христианскую грибницу отечественной православной культуры. Уже в этом аспекте заметно не только резкое отличие русских и советских культурных ориентиров, но и их прямая противоположность. С этой точки зрения в романе Астафьева «Прокляты и убиты» сделана попытка восстановить русскую христианскую традицию в литературном изображении войны.

Собственно говоря, в этом и состоит главная ценность астафьевского романа. В нём впервые художественно рассматривается духовная проблема, не загромождаемая военными поражениями и удачами советского оружия. В соответствии с магистральной христианской традицией ставится вопрос о наказании Божиим русских людей советского времени, наказания «по грехам нашим», после «чертовой ямы» советского воинствующего безбожия.

Автор пытается своим романом показать следствия того, что Россия (пусть советская и социалистическая) впервые за свою тысячелетнюю историю вела отечественную войну, не будучи уже христианским государством.

Более того, будучи государством не абстрактно атеистическим, но последовательно антихристианским (с верой, по выражению Н. Бердяева, «противоположной христианской»).

Не православный крест, а сатанинская звезда была официальным путеводным знаком советской армии в этой войне.

Красные знамена и комиссары вели в бой, а также та самая партия, которая уже сокрушила перед этим христианскую Россию и расправилась с теми, кто уже в наше время был канонизирован как новомученики.

У большинства своих героев автор — в отличие от своих советских предшественников — не находит ни грана патриотического воодушевления. Люди из сибирской глубинки едут защищать совершенно чужое государство. Государство с совершенно чужими для них ценностными координатами. Ясно, что это не их государство. Но как бы чужды и непонятны для большинства крестьян ни были эти чуждые им советские ценности, враждебную им доминанту новой власти астафьевские герои-страдалцы чувствуют безошибочно.

Это методичное искоренение на осваиваемых советских пространствах островков православной (крестьянской) России, расхристианивание страны. В совдеповском миропорядке прежде всего выкорчевывают как наиболее опасное: веру аборигенов. Поэтому главная забота замполита «повернуть... лицом к коммунистическим идеалам» для сибирских туземцев означает — в переводе с советского языка на русский — отворот от Бога небесного.

Ведь русский народ, по Астафьеву, «затаился с верой, боится, но Бога-

то в душе хранит, на Него уповае». Несмотря на беспрецедентный государственный геноцид, всё еще таится выработанный за без малого тысячелетие и проникший уже в сердцевину ментального поведения христианский обычай.

Позднее — уже в книге «Пасхальность русской словесности» — я его назвал «культурным бессознательным».

И вот именно это православное «культурное бессознательное» и истребляется в советской «страшной казарме», где наиболее нагляден процесс превращения «скопища людей» в «скотину», «животных», заживо лишаемых христианской души.

В новосибирском глубоком тылу именуется эта казарма «проклятым местом», однако это «проклятое место» — лишь средоточие горящей в адском пламени России. Речь идет об апокалиптическом превращении России в СССР, где самого Бога «отменили, выгнали, оплевали», но где была создана, по Астафьеву, особая «подлая» аристократия, псевдоэлита, которая потому любит и романтизирует уголовников, что сама стремится к добровольному отторжению от основной массы граждан своего отечества.

Особенностями советского патриотизма становятся демонстративный разрыв с русской ментальностью, построение нового (своего) отечества и обычное для узурпаторов ожидание расплаты. Внутренний «враг» поэтому всегда опасней «врага» внешнего, а потому и не прекращается война со своим народом — гражданская.

Астафьевский роман во многом организован вокруг глубинного разлада между патриотизмом (в его советском варианте) и христианской совестью. Если, например, советский суд не внеположен Божьему суду, а противоположен ему как заведомо неправедный («суд здесь не Божий, а советский»), то, согласно логике романа, защищать антихристианское государство в определенном — страшном — смысле означает поступать против своей христианской совести.

С дилеммой «патриотизм/христианская совесть» во время оборонительной войны не сталкивалась ранее русская литература. Роман Астафьева, может быть, первый роман об этой войне, написанный с православных позиций и при полном осознании этой трагической коллизии. Родина и Бог накануне самой страшной войны в российской истории (пусть и советского времени) словно бы оказались враждебны друг другу.

Но для православного русского менталитета ощущение даже малого зазора между долгом перед Родиной, Россией и личной христианской совестью поистине чудовищно...

Можно указать лишь еще одного автора К. Воробьева, у которого в повестях «Крик» (1961 год) и «Убиты под Москвой» (1963 год) читатель может почувствовать сомнительность универсального советского разделения на «наших» и их «врагов»-немцев и возможность иной градации: между теми, кто «в беде» и теми, «кому хорошо».

Подчеркнем, речь идет именно и только о проблемах нынешней Российской Федерации. Это проблема соотношения русского и советского. Понятно, что давно назрело их четкое разграничение. Разумеется, я противник той негативации «русского», о чем с возмущением писали как И. А. Ильин, так и А. И. Солженицын (в духе: «русские» танки, но «советский» балет, «русская» мафия и проч.).

Другая проблема касается двухчастной тоталитарной природы советского миропорядка. Трудно в наши дни разделять мифическую идеологему, в которой речь идет о некоей общей народной жизни в пределах тоталитарных систем, господствующую, тем не менее, в трудах историков литературы, особенно «советологической» ориентации. По сути дела, в данных работах воскрешаются пропагандные лозунги тоталитарных социумов (как-то: «народ и партия — едины!»), «это наша советская власть» и др.), только это никогда не существовавшее единство рассматривается, разумеется, с негативными коннотациями.

Причем тенденция здесь такая, что граница между жертвами и палачами тоталитарных режимов не только размывается, но и зачастую объявляется несущественной. На самом же деле, советский социум был принципиально двухчастный (хотя состав господствующей части и мог быть весьма различным). В противном же случае невольно получается, что жертвы должны еще каяться — перед своими палачами или их потомками, иными словами, вспоминая формулу Ф. М. Достоевского, 9/10 должны еще и каяться перед господствующей над ними и подавляющей их жизнь 1/10.

Между прочим, жгучая обида «старых большевиков» на Сталина в том-то и состояла, что вождь шулерски (как они считали) смешал карты, стал периодически перетряхивать колоду, нарушая важнейший негласный послереволюционный принцип разделения между «своими» и «чужими». Однако Сталин не разрушил, а лишь усовершенствовал механизм работы двухчастного советского космоса, когда жесткая двухчастность дополнялась напряжением, которые отныне испытывали облаченные во власть «демиурги» (включая постоянный страх перед «общими работами» со своими «соотечественниками»). На эти гибельные «общие работы» стали попадать и пребывавшие ранее в позиции «внеаходимости» бесы революции. Герои могли стать авторами, а «актеры» — жертвы — режиссерами-палачами. В этом и состояло сталинское усовершенствование системы.

А теперь происходившее «вторичная сакрализация» и безудержная мифологизация этой войны. Решено, что новейшая российская история будет так же базироваться именно на этой войне, как прежде она базировалась на Революции — и в этом смысле — будет продолжать «дело» Революции.

И. А. Есаулов

ИЗГНАНИЕ ПОСЛЕ ИЗГНАНИЯ: СОЛОНЕВИЧ В УРУГВАЕ

Иван Лукьянович покинул Буэнос Айрес 9-го августа 1950, и прибыл на пароходе в Монтевидео 10-го числа.

Ему пришлось уехать из Аргентины по предложению учреждения, ведающего внутренней безопасностью, которое было завалено доносами не него, и решило избавить страну от беспокойного иммигранта, «разлагающего», как утверждали наши доблестные доносчики, русскую колонию... Ещё раз подтвердилось, что нет границ человеческой подлости.

Уже имея на руках все доносы, учреждение это занялось опросом некоторых лиц, частично старых эмигрантов, частично вновь прибывших.

Показания этих опрошенных были будто бы единодушны в том смысле, что деятельность Солоневича приносит вред. Фамилии старались скрыть, но – как говорил В. К. Дубровский, заменивший Солоневича на посту редактора – лица эти принадлежали к разным слоям эмиграции.

Из Буэнос Айреса, Всеволод Константинович сообщал Солоневичу 4.9.50: «Разговоры о Тебе не умолкают и принимают всё новые формы: вчера один дядя меня уговаривал признать, что Ты вообще никуда не уезжал, а всё это разыграно, чтобы Ты мог работать спокойно, и уверял, что всё равно он же знает; ему говорил очень близкий Тебе человек! Не знаю, поверил ли мне. Другой вариант – Ты уехал в США, но, чтобы это скрыть, мы придумали высылку. В самую же высылку верят с трудом, не понимая причин. И правы, конечно».

Не понимал и сам Солоневич, писавший Дубровскому 4 декабря 1950 года: «Беспокойства в колонии» тот же Ставровский (редактор газеты «За Правду», католик) принёс больше чем я, и вдруг... Мы, в сущности, ничего толком не знаем. А это не мешало бы хоть приблизительно знать. Тут вообще история таинственная – вроде 3 февраля 38-го» (взрыв чекистской бомбы в Софии, когда погибли первая жена Солоневича, Тамара Владимировна, и его помощник Н. П. Михайлов).

Всеволод Константинович отвечал: «Как это ни странно, очень мало откликов по поводу Твоего отъезда из Аргентины. Вероятно потому, что в газете по прежнему идут Твои статьи и – таким образом – для читателей ничего не изменилось. Здесь же всё утихло. Помнишь болгарскую поговорку «Всеко чудо за три дня...»».

Писатель поначалу остановился в Монтевидео, у представителя газеты М. Гайтова, без своей второй жены Рутки, прибывшей в Уругвай позже. Потом он действительно рассматривал возможность переехать в США, а также в Парагвай, Бразилию, Францию.

Вскоре Солоневич переехал из Монтевидео в Вижа Сориано, деревню в 330 километрах от столицы, на берегу Чёрной Реки.

Почему именно в Сориано? Ещё на-ходясь в Болгарии, Солоневич связался с проживавшим в Румынии генерал-лейтенантом Евгением Леонтовичем, чья дочь, выпускница Смольного Института, в своё время переехала в Уругвай. Поклонница его таланта, Валентина Евгеньевна предлагает Солоневичу перевести на испанский язык труд «Россия в концлагере» и поместить его в какую-нибудь газету Южной Америки, либо издать. Иван Лукьянович отзывается из Софии, где он выпускал «Голос России», письмом от 12.2.37:

«Прежде всего, спасибо за приветливое хорошее письмо и за желание помочь переводом моей книги. Сегодня же шлю Вам оба тома и 14 номеров газеты и прошу Вас не

медлить с переводом, но, конечно, желательнее было бы сперва войти в соглашение с какой-нибудь из газет. Даю Вам на этот счёт полномочия. С книги желательнее было бы получить 15 процентов продажной цены и авторские экземпляры. Благодаря красной завирухе в Испании: «Россия в концлагере» пока что на испанский язык не переводится, так что Вы выбрали хороший момент. Меня порадовало Ваше мудрое суждение о трудности перевода моего стиля, совершенно верно, что только на английском его было бы легче переводить. Страшно подумать, как далеко Вы забрались. Если можете распространять нашу газету, сообщите пожалуйста и мы будем слать Вам десяток экз. Но ведь теперь моё письмо будет итти целый месяц, как шло Ваше. Ужасно. У Вас такой легкий стиль, что хотелось бы получить от Вас «письмо из Уругвая» для газеты о жизни русских там».

Вскоре, в письме от 11.5.37 Иван Лукьянович предлагает В. Е. Леонтович перевести также книгу своего брата Бориса: «На днях выйдет немецкое издание моей книги, сербское и хорватское. Переводится на польский и словенский, кажется заключен договор на англо-американское издание. Шлю Вам «Моложежь и ГПУ» и тоже прошу переводить».

Следующее письмо из Софии, от 22.9.37, пишет уже его жена Тамара Владимировна: «Это очень приятно, что Вы уже кончаете перевод, так что надо полагать, что книга к Рождеству выйдет. Только что в Германии вышел второй том, в Англии и Америке в ноябре выходят первый и второй том. В Польше тоже. Южная Америка нас то и дело запрашивает, когда же выйдет наконец испанское издание и я не знаю, что отвечать. И. Л. только что вернулся из Европы, имел там большой успех, но здоровье сильно подорвалось, так как было 38 выступлений, и 15 пересадок. Словом, теперь лежит пластом, отсутствие аппетита и бессонница».

Наконец, В. Е. Леонтович сообщает, что нашла чилийских издателей для книги, но жена Солоневича 20.1.38 просит прислать ей сперва отрывок перевода: «Перевод на английский мы доверили одному большому нашему другу, но в виду дальности расстояний так и не смогли затребовать его сюда для авторской корректуры. Это привело к тому прискорбному факту, что было выпущено несколько очень важных отрывков, которые И. Л. во что бы то ни стало хотел иметь в книге. Кроме того, в нескольких местах была допущена несколько слишком литературная форма обработки, так что потерялось то, что англичане больше всего ценят: юмор. Поэтому, если бы присылка части перевода

была бы по каким-либо причинам невозможна, мы бы Вас очень просили за наш счёт найти себе настоящего, матерового испанца, который смог бы его хотя бы отшлифовать с точки зрения именно вот этого самого юмора и **нелитературных оборотов**, которые в книге сплошь да рядом встречаются. Не обижайтесь, ради Бога, мы Вам верим, что Вы прекрасная переводчица, но справились ли Вы с юмором? Относительно американского издания, издательство Пэйслий согласилось дать нашим читателям, тем которые берутся распространить хотя бы несколько экземпляров, очень большую скидку. Думаю, что у Вас в Уругвае найдётся несколько человек англичан, способных купить «Россию в концлагере». В этом случае – Вы бы могли кое-что и сами подработать, и привести нескольких из этих дубин в христианскую веру! А том ведь англичане принадлежат к тем расам, которые уж действительно абсолютно ничего не понимают в наших делах и предпочитают торговать слюдоедами».

Но дело с переводом всё задерживается и только в сентябре 1938 года, Валентина Евгеньевна высылает Солоневичу – уже в Берлин – свой текст. Он ей отвечает 14-10-1938: «Простите, что я запоздал с этим письмом. Я всё время живу на перекладных, то в пансионе, то в гостинице, а весь мой архив пребывает в Софии. Я почти вовсе не знаю испанского языка и не мог оценить перевода, который Вы мне прислали. Я много переводил на русский и я знаю, что переводная работа вовсе не так проста, как об этом принято думать. Мне очень испортили мой английский перевод и совершенно зарезали голландский. Очень хороши немецкий и польский переводы. Должен сказать, что дела с переводчиками у меня стояли очень плохо, и не в силу каких-бы то ни было подвохов с их стороны, а просто потому, что очень хорошие и очень милые люди – но очень наивные, – брались за эту работу, брались даже бесплатно, и потом присылали мне сотни страниц, совершенно изуродованных переводом». В конечном итоге, её перевод так и не увидел свет.

А в 1950 году, сия высококультурная и предприимчивая особа, - она наладила производство ковров, занималась сельским хозяйством и одновременно преподавала иностранные языки, - пригласила Солоневича остановиться у себя в Вижа Сориано, где уже проживал её закадычный друг, преподаватель истории московского института, Михаил Шкурин.

Десятого октября 1950 года Иван Лукьянович писал Дубровскому, из Сориано в Буэнос Айрес: «Чувствую себя очень плохо. Болячки застуженные в Монтевидео будут чувст-

воваться ещё месяца два. Устроен пока что очень хорошо. После жуткой дыры у Гайтова и страшной сырости Монтевидео – точно в раю».

Его сын, Юра, оставшийся в Буэнос Айресе, переживал за него, опасался не злоупотребляет ли «зелёным змием» и порою жёстко критиковал статьи отца. В частности, например, - передовицу «14 и три», помещённую в «Нашей Стране» № 63 от 3 февраля 1951 года. Её упоминает Солоневич в письме Дубровскому, описывая новые условия жизни и сравнивая их с пребыванием в Дель Висо, в провинции Буэнос Айрес, до высылки:

«Первый вариант «14 пунктов» был таков, что если бы они были бы написаны, как пишет Юра, в действительно пьяном виде – то было бы хоть оправдание. Правда и тут есть оправдание: **очень тяжело** работать. Так что и Дель Висо был раем. Денег нет. Сейчас денег и у Леонтовича нет. Вчера она имела собеседование со своими *махатмами*, которые ей что-то еще насоветовали: вероятно опять купит то ли участок (это будет уже пятый, из них три не обработаны). Шкурин мало делает по сельскому хозяйству, а мне приходится посуду мыть (у Рутки руки полопались) и воду таскать и огород поливать и вообще...»

«Махатмами» Иван Лукьянович называет друзей Леонтович из местного теософского кружка, с которыми она советовалась по разным делам. В письме Юре он также отмахивается от подозрений в бражничестве: «Дорогой Квак, Твоё «чутьё» Тебя на этот раз обмануло: бутылка решительно не при чем. За Монтевидео «соблизнулся» два раза – один раз водкой, о чем и писал и что прошло бесследно, в другой раз Долгов приволок дикую закуску и бутылку «контрабандной» *каньи* – после этой *каньи* меня действительно несколько дней мучило. С тех пор – **абсолютно ни капли**. Единственное, что я начал пить – это молоко, почти по литру в день. Чему очень рад. Так что никакого спиртного духа выветривать не приходится. Трезвость абсолютная без каких бы то ни было перспектив её нарушения. Сориано, конечно, дыра, но **очень** хорошая дыра. Чудесный воздух, тишина. Жду Рутку. Тётя Валя собирается отдохнуть и вернуться. Я ей сказал прямо: боюсь, что кончится скандалом. На что она мне ответила: «Да: две женщины в одном доме – это опасно». Думаю, что здесь можно будет провести лето очень хорошо. Сейчас ремонтируется моторная лодка, можно будет совершать – уже намеченные - поездки по Рио Гранде, Уругваю и еще каким-то там рекам, жизнь нам обойдется в три раза дешевле чем в Монтевидео. Через месяца два я буду в атлетической форме. Пока что лениво копаюсь в огороде, хожу на реку, у тети Вали много книг и вообще с ней и с дядей Мишей интересно говорить – так что не так уж плохо».

Кроме того, молодой сын Валентины Евгеньевны, ныне здравствующий в Буэнос Айресе, Алексей Владимирович Неёлов, взял на себя работу «курьера» между Солоневичем и Дубровским: привозил и отвозил чеки, периодику, книги. Их переписка испещрена упоминаниями об услугах Алека.

Однако, через некоторое время положение показалось Солоневичу не столь уж радужным. В письме Всеволоду Константиновичу, где он упоминает жену последнего, Таню, Иван Лукьянович сетует: «Устал от огорода: всё болит. Но без огорода жрать будет нечего в буквальном смысле. Таня вероятно читала Алексея Толстого «Детство Никиты», как Никитин папаша, продав урожай

В. Е. Леонтович с сыном Алексеем Неёловым, Буэнос Айрес 1975

накупил верблюдов. Так и здесь. Теперь Леонтович проектирует накупить коров. В хозяйстве тысяча на 25 ненужного инвентаря, но нет ни одного топора, ни одной лопаты, ни одних граблей. На всю семью два столовых ножа – вот оно откуда пошло «оскудение дворянства», а я то думал, что «Детство Никиты» это только карикатура...

Писателя раздражают перебои с доставкой средств для существования, но его почти всегда выручает представительница «Нашей Страны» на Калифорнию, Марина Сергеевна Крапивницкая-Кингстон: «Как правило – сижу без денег, то и дело занимая по сто песо на жизнь. Затем приходит письмо Кингстон и всё сразу выправляется». Когда эти письма с чеками лишком запаздывали, Солоневич взывал к Дубровскому: «Еще раз: напиши Кингстонше. Скажи, что есть нечего – что будет очень недалеко от истины. Рутика варит два отдельных обеда и кормит 40 кур - а за яйца мы платим (тоже теоретически, так как денег нет ни копейки). Я копаю огород и выливаю на него ведер 30 в день – и мы платим за помидоры и прочее. Это, видишь ли, даёт Шкуруину финансовую самостоятельность на табак. Теперь мне устроили комнату – на половину за мой счёт – но от мастерской она отделена только занавеской, дует как из бочки! И кроме того две «канарейки» - работницы Леонтович - щебечут не переставая всё рабочее время – 8 часов. Леонтович очень мила и трогательна, работает сильно, но общая обстановка не располагает».

О Валентине Евгентовне Леонтович писатель всегда отзывается с благодарностью, но и не без мягкой иронии. 11.2.51 он пишет Дубровскому: «Положение достаточно идиотское. Живём мы впрочем мирно, Леонтович очень тактична. Шкурин мало что делает, огород пропал, единственное что уцелело это мои огурцы да и те мне нечем жевать (дёсны еще не в порядке). Леонтович строит все новые и новые планы. В момент развода было у нее 15.000 уругвайских песо, теперь осталось меньше тысячи. Проектирует построить дом. Моторку чинили, чинили, да так и бросили. Трактор успел от полного безделья и беспризорности проржаветь, теперь собираются строить вышку с ветряком для радио, покупать еще три коровы – песо по 300 каждая, а Леонтович на деньги вырученные за очередной ковер собирается проехать в Италию. Ты может быть помнишь князя Лобанова-Ростовского в Софии, или папашу из «Детства Никиты» Алексея Толстого. Развелось штук 60 кур – которые норовят даже в пишущую машинку нагадить. Стоит ведра два уже прогнивших яиц. Вонь. Теперь я рублю головы цыплятам и мы снова питаемся, - и то хлеб. Полагаю, что на каждого цыпленка можно бы купить штуки три. Всё это, видно, в крови. У меня по старой России были совершенно же такие домохозяйки и хозяйки по совершенно таким же принципам. Масштабы, конечно, были по шире... Вот – и поехали».

Однако иронические замечания по поводу Леонтович, всё время перемежаются с выражениями признательности за её помощь. Как когда у Солоневича должен был появиться второй наследник, кроме сына Юрия. 24.3.51 он строчит Дубровскому: «О политике и прочем – после. Наши дела осложнились до чрезвычайности: Рутика – в положении. У неё было два выкидыша – от миомы - в 1939 и 1947 году. Положение опасное. Ездить на автобусе, да еще и на здешнем никак нельзя. Врача здесь вообще нет, а необходимо постоянное врачебное наблюдение, и в случае

очередной неувязки – скорая помощь – **очень** скорая. Леонтович принимает самое сердечное участие – у неё таких историй было шесть, но без миомы. Без Леонтович можно было бы и вовсе пропасть».

А 30.3.51 писатель снова беззлобно подтрунивает: «Леонтович скорострельно уехала в Монтевидео, а оттуда в Буэнос Айрес. Хочет, чтобы Ты или Юра купили бы ей револьвер для вооруженной охраны кур – кто-то якобы украл четыре, хотя никто не знает сколько их есть вообще – то ли 50 то ли 80. Тоже – хочет купить ротатор».

Семнадцатого апреля того же года Солоневич так описывает своё состояние: «Лично я за последние дни совсем обалдел. А тут еще и стройка и куры (забрались на мой письменный стол – два ящика и на них доски – и перевернули всё). У Леонтович - печень и нервы. У Рутики – разумеется тоже нервы, я сижу без зубов – уже месяца четыре, ем только кашу и простоквашу». А седьмого июля добавляет Дубровскому: «Мне, кроме всего, нужно до зарезу накопить во что бы то ни стало песо 200 на случай потомства. Стоило это мне массу нервов и еще будет стоить. Ничего не поделаешь». А 28 августа сообщает своему заместителю печальную новость: «Рутика – в больнице. Ребенок – мёртвый – родился по дороге, в такси. С самой Рутикой кажется всё благополучно. Работать сейчас не могу». А через несколько дней: «Рутика уже дома – вчера её еле-еле привёз. Нужно бы в клинику, да денег нет. В Мерседесе мы её сдали в бесплатную скорую помощь, а там больше пяти дней не держат. Диагноз врача: преждевременные роды, которые можно было бы предупредить если бы седьмой месяц она провела в больнице. Ребенок родился необычайно крепким для своих шести месяцев, но прожил только несколько минут. Еще слава Богу, что удалось довести Рутiku живой до скорой помощи. Дела дрянь. Я сильно простужен. Рутика в этой проклятой больнице схватила воспаление горла и прострел в шее. Уже много ночей почти не сплю. Жизнь здесь – в переводе на доллары – по меньшей мере в четыре раза дороже, чем в Аргентине. Рутика лежит и всё плачет, я варю, мою и ухаживаю за ней. Грязь и холод. Мне приходилось жить в худших условиях, но работать в худших еще никогда не приходилось».

В начале 1952 году Солоневичи переезжают из Сориано в Лас Тоскас, вблизи от курорта Атлантида, (где десятилетиями устраивает свои лагеря Организация Российских Юных Разведчиков в Латинской Америке). Эмигрантская чета по фамилии Генгросс предоставила им там дом. Было это сделано по желанию писателя, который из-за непрекращавшихся недомоганий хотел жить по ближе к госпиталю. Поначалу Иван Лукьянович был рад: «Итак – мы в Тоске. Место очень хорошее. Настоящий лес, как в Германии – песок и сосны. От моря метров 500. Жилье почти европейское, ток, вода, но комнаты пансионные, две кровати, столик и стул – и больше места нет».

Но вскоре наступает разочарование: «Помимо всяких передраг – в нашей «спальне» даже в самый яркий полдень работать без лампы нельзя. В моей «рабочей комнате» два окна, которые не открываются, дверь которая выходит в мастерскую, потолок нет, с соломенной крыши сыпется всякая дрянь и работать тут можно только с 5-ти до 11-ти. Потом – нестерпимая баня. На всём участке – только один уголок, в котором есть тень после пяти вечера».

10-го июня он пишет Дубровскому, жалуясь в частности на типичную

латиноамериканскую неисполнительность, резюмирующуюся словом *маньяна*, то есть «завтра»: «Растёт слабость и кроме того я очень сильно простужен, вообще южно-американский климат не для синусита. Кроме того, супруги Генгросс надули – дом оказался не только сырым, а просто мокрым. А *маньяна* с камином тянется полтора месяца – его можно топить, но нечем: я натаскал было пней, отчасти нарубил – теперь мне рубить нельзя, купили дров, из них можно невооруженной рукой выжимать воду, на дворе около нуля температуры – ночью и по утрам – сидим снова в одной клетушке – чёрт его знает как трудно организовать здесь самые примитивные, самые человеческие удобства. Так что и до Атлантиды на почту я не рискую идти – еле ноги волочу». Дом этот существует и по сей день.

Восьмого июля он снова сетует: «Желудочные боли почти прошли. Появились очень тяжелые боли в груди – и тоже кажется прошли. Два дня – кровотечение из носа, чего не было никогда. Нас надули бесстыдно: дом не сырой, а мокрый. Гниют белье, книги, рукописи. Целыми днями сижу в комнате без окна, горит и дымит камин. И при керосиновой лампе».

Тем временем его болезнь прогрессирует: «Боли уменьшились, но не прошли, слабость увеличивается (кашка и пр.), работать всё труднее. Выходить не могу – бронхит и боли в груди. Кроме всего прочего раздражает всякий мелкий идиотизм. Камин дымит и от этого головные боли. Электрическую печку зажигать нельзя, ибо вся проволока плоха. Сырость такая, что спички не горят вовсе – нужно класть на ночь под подушку. Стены не изолированы от почвы, с них **течёт**. Я все деньги получаю через Алека. Пришел печник, задымил всё жильё, разворотил камин, ушёл «обедать» и пришёл только через два дня. Так что я опять выбит из колеи – и еще больше простужен. Всё сижу на каше и на пилулях. Сильно мучит бессоница».

В эти же дни он получает сообщение из Аргентины о попытке изнасилования его малолетней внучки Улиты, и пишет об этом Дубровскому: «Какой-то «черный» пытался изнасиловать Улитку, Юра его избил и заволок в полицию».

Наконец Солоневич ложится в клинику, так как недомогания не прекращаются, но там не выдерживает.

9.3.53 он пишет Дубровскому: «Сбежав из клиники и приехав в Тоску, я с очень большим трудом прошел от автобусной станции до дому – метров 300-400. Два раза останавливался и раз присел для передышки. – боялся упасть в обморок. Из клиники же сбежал вот почему: в палате 50 коек. Люди умирающие от рака и туберкулеза, пьяные, привезенные для вытрезвления, стоны и крики, я не мог спать вовсе, за 4 дня меня не осмотрел ни один врач и не сделали никакие анализы, грязь, вонь, грубость (ксенофобия) никакой диеты – бобы с мясом для всех – в общем черт знает что – а университетская клиника. Пока что с докторшей Соловей выработали минимальный план: всякими инъекциями поднять количество кровяных шариков и – по мере наличия денег – заняться остальными анализами, которые могут быть очень сложны, - нужно выявить причину анемии. И еще счастье, что Соловьяха открыла её более или менее во время. Технически получается так, что частная клиника недоступна по цене, а полубесплатные – вот вроде университетская – это чёрт знает что. Приходят 3-4 врача, садятся с сестрами в уголок, болтают и уходят. Пришлось сделать почти скандал, чтобы мне мой нарыв на голове перевязали.

Докторша Соловей полагает, что месяца в два инъекции сильно улучшат состав крови, однако никак не ликвидируя болезни: «задача о бассейне с двумя дырами, - в одну мы будем вливать кровь, в другую она будет выливаться, а откуда и почему мы не знаем». Нужно дать статью о правизне и левизне, нужно дать ответ Абрамовичу – вообще многое нужно... А тут – и синусит и язва, и анемия и нервы, и климат, а Рутика сейчас лежит и ревмя ревёт: зуб мудрости, который выживает другие зубы и вырвать которого якобы нельзя (боли – «как при родах»).

Солоневич начинает реже давать о себе знать. Дубровский нервничает и 20.4.53 пишет Ивану Лукьяновичу: «Твое последнее письмо, отправленное 1 апреля, получил неделю тому назад и до сего дня ничего другого нет. Это молчание меня тревожит. Если Ты находишься в госпитале, - почему не пишет Рутика? Ты уже получил, конечно, № 170 и видел, что «кампания» по сбору денег на Твое лечение идёт сама по себе, без всякого нашего давления, и принимает всё более и более внушительные формы».

Письмо Солоневича Дубровскому от 12.4.53 будет последним на пишущей машинке (к тому времени его сын с женой Ингой уже находились в США): «От Юры ничего, кроме пустяков: наконец заработал свои первые 50 долларов на землекопной работе. Макаров прислал вырезку из «Нью Йорк Джорналь» от 7-го со статьёй, где сказано о мировой художнице Инге Солоневич, жене мирового художника и т. п. – приплетен и я, и сказано, как это Инга рисует любимую собаку герцогины. Рудинский очень обижен на 10 не помещенных статей – в чём с ним дело?»

Дубровский ему отвечает 27.4.53: «Жалобы Рудинского не имеют никакой почвы под собою. Его статьи печатаю – по мере возможности. В **каждом** номере они идти не могут. А если человек шлёт их по три в неделю, то и вообще нет возможности всё печатать. И что за манера «жаловаться» Тебе, имея вполне исчерпывающее объяснение этой задержки с его статьями от меня? Человек он трудный и характер у него ворчливый, а мне одному на всех не угодить... Выхода из этого положения может быть только два: или займись им и его статьями сам – тогда я буду просто пересылать Тебе всё, что от него буду получать, или – его жалобы посоветуй ему адресовать мне. Получив несколько заказов на собачьи портреты, то ли благодаря Макарову, то ли благодаря своему какому-то родственнику, и переходя от одного портрета к другому, Инга попала к герцогине Виндзорской, собаку которой рисовала у неё во дворце.. Думаю, что этот случай обеспечит её карьере, в особенности при наличии заметки в «Нью Йорк Джорналь». Юра писал, что «какая-то американка» дала ему временно свой автомобиль».

Это письмо Ивану Лукьяновичу прочесть уже не довелось. Он умер за четыре дня до этого, 23 апреля 1953 года, после операции по удалению злокачественной опухоли.

Вдова Солоневича, Рутика, говорила мне, когда её посетил в американском городе Роаноке, что упоминаемый в письме Дубровского благодетель В. С. Макаров – сын знаменитого адмирала, скончавшийся в Нью Йорке в 1964 году - присылал ежемесячно её мужу в Уругвай 200 американских долларов, сумму весьма внушительную по тем временам. Вероятно Рутика что-то напутала, иначе не понять почему основатель «Нашей Страны» испытывал в тот период столь острые финансовые трудности.

ДВА ВЫДАЮЩИХСЯ СОТРУДНИКА «НАШЕЙ СТРАНЫ»

4.

А вот письмо первоходника и публициста Анатоля Григорьевича Макриды сотруднице "Нашей Страны" Валентине Алексеевне Богдан и её мужу Алексею Васильевичу, из Канберры в Лондон, от 15 мая 1979: "ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

Дорогие Валентина Алексеевна и Алексей Васильевич! У нас тоже была почтовая забастовка, но несмотря на вашу и нашу, Ваше письмо от 14 апреля дошло довольно быстро, так что в задержке с ответом виноват целиком я. Получив Ваш отклик, так обрадовался, что решил ответить тотчас, но не успел приняться за письмо, как пришло от Казанцева напоминание о персидской статье и о моем обещании ее прислать. Уселся за неё, а когда кончил, оказалось, просрочил Филина (один из псевдонимов А. Г. Макриды. – В.В.). И он потребовал нескольких дней на просмотр накопившихся газет. Словом, «суждены мне благие порывы».

Ко всему, болен и пишу редко, и нутно, так как быстро выдыхаюсь от хозяйственных обязанностей.

При всём том, обещаю поддерживать переписку и, действительно, постараюсь аккуратнее отвечать.

Думаю, мне это не трудно будет, так как круг моих корреспондентов сильно сузился, главным образом потому, что большинство их ушло из этого мира, в чём я им не завидую только потому, что и мне не долго ждать. Кстати, довольно часто приходилось читать такую фразу «из писем, получаемых мною от читателей». Некоторые авторы даже жалуются на обилие таких писем, отнимающих много времени на ответ. Долгое время я горевал: насколько же я хуже, если читатели не отнимают у меня времени, ну насколько! А потом меня осенило: просто врут жулики! Ну, в самом деле, чем я хуже других?

А поверите ли, за тридцать лет, не получил ни одного отклика на статьи, если не считать друзей. Писать я начал только за границей, во время войны. И до окончания её, на мое имя в редакцию приходили резкие, порой с площадной бранью и с угрозами, письма, но то были анонимные. Кроме них, благожелательных и деловых было 2. И это все. Объяснение этому я нахожу только одно: заграничные читатели сильно охладели, с повышением личной безопасности, к политическим вопросам и на первом месте у них житейские. Удивляться не приходится и осуждать некого, кроме тех, кто в таком охлаждении повинен. Одни зарылись в партийную или церковную склоку, другие, как солидаристы, гоняются за долларами, блефируют и отталкивают от себя хлестаковщиной, третьи заняты умножением сект и группировок, преследуя личное выживание. Тоска!

С жару-пылу, лет двадцать тому назад, и я увлекся «общественно-политической деятельностью» в рядах организованных монархистов, но больше всего воевал с ними самими, по тому же поводу, что и Солоневич, но с еще меньшим успехом. Когда я убедился окончательно, что главным препятствием к возрождению монархии служат именно монархисты, плюнул и вышел из всех организаций. Они сохранились до сих пор, но приходится по несколько на одного человека. А отчеты о собраниях и

поздравительные «почтограммы» продолжают, как ни в чем не бывало. И чичиковские списки членов хранятся.

И уже даже полковников нет, всё генералы. В политическую жизнь они ушли еще глубже и с завидной энергией строчат всё те же доносы, по тем же адресам, и анонимные пасквили. Все это зиждется на твердой хозяйственной базе обывательского благополучия, а поэтому предполагаю, что у вас в Англии, где жизнь стала гораздо труднее, чем у нас, и эмигрантское рвение слабее.

Совсем забыл о намерении после пасхального поздравления, поздравить вас с победой правых. Я не жду от них никаких чудес, им бедным, при отчаянном сопротивлении марксистов, едва ли удастся восстановить, хоть половину разрушенной экономики, но они, по крайней мере, не будут помогать Москве. И за то спасибо! А если бы те остались, то очень быстро была бы песенка спета не только Англии, а пожалуй, всей Европы.

У нас от трех дочерей пять внуков и одна внучка. Никто из них по русски не говорит. Три мальчика от англичанина, двое от австралийца, внука от серба из Сербии, но она и по сербски не говорит. Наши тоже англичане, русского в них ничего. Но это меня не печалит и вам не стоит огорчаться. Я, конечно, русский патриот, но доверюсь Вам, без единой капли русской крови. И тем не менее, нисколько не препятствовал денационализации детей, хоть и заставил их говорить по русски и ходить в русскую церковь. Близнецы даже в русских скаутах были, что им ничего хорошего не принесло.

Но, согласитесь, настоящих русских воспитать в западных странах, не по

плечу и самым лучшим воспитателям. А не настоящие России не нужны и наш народ никогда своими их не признает.

Примером наиболее благородного, беспристрастного и умного патриотизма среди русских, родившихся за границей, служит для меня наш Казанцев. Я с ним в большой дружбе и похолодел, когда получил от него взволнованное, восторженное письмо о том, что в качестве переводчика, он с аргентинским министром попадет в Москву. Остановить его я уже не мог, он улетел в Европу. Слава Богу, визит в СССР был отменен, но что я пережил! Так вот, даже такая умница, как Ника, своим умом не сообразил как о ней опасности он подвергался, но даже, если бы он и уцелел, я уверен, его идеализация русского населения получила б, претерпела б несколько существенных пробоин, как это случается почти со всеми, даже нашими с вами подсоветскими земляками, в особенности же, в Москве, где люди еще при мне, были хуже всех.

Вы знаете ленинградцев, их даже сравнивать нельзя с москвичами. Объяснение есть, но останавливаться на нём сейчас недосуг.

Ваша пассивность в «проталкивании» Ваших трудов, мне не только понятна, но и дорога; она лишней раз подтверждает неслучайность нашего с женой заочного тяготения к Вам. Если Алексей Васильевич созвучен Вам, то нам остается только пожалеть о пространстве, нас разделяющем.

Татьяна Владимировна (Дубровская, издательница "Нашей Страны" -- В. В.) как то написала, что получила от Вас 1.000 долларов, но всего остального, о чем вы написали, я не знал. Кстати, кому принадлежит

идея обложки? Меня это интересует, как профессионального художника, в частности, оформителя книги.

Отношение Т. В. к полезным начинаниям и предложениям мне не всегда понятно. На письма она, по большей части, не отвечает и наша переписка в загоне, переписываюсь я с Никой. Но последний, как огня боится каких-либо финансовых дел и близко к ним не подходит, всё на руках Т. В. Это тем более примечательно, что сам он никогда не покушался на издательские средства, хотя бы для почтовых расходов, а я знаю достоверно, что денежные затруднения никогда не покидали парня. Сам он это всегда тщательно скрывал. Таким образом, не удивлюсь, если он ничего не знает об условиях издания «Студентов». Во всяком случае, действовать через него сейчас бесполезно, а после того, что Вы сообщили, и я не решусь затрагивать вопрос об издании «Инженеров» при содействии Т. В., если, разумеется, Вы сами меня на это не уполномочите.

Глеба Рара и его дядю я встречал в Гамбурге после войны в Фишбеке, в бытность мою членом Комитета и представителем его на две немецкие провинции, пока этот Комитет не был целиком захвачен солидаристами. Они развили представительскую деятельность, вынудившую меня уйти из Комитета с обидной для солидаристов мотивировкой. Они были просто на руку не чисты. Всё, как у большевиков, оправдывалось идейностью, но это не мешало в голодные годы послевоенной Германии, основательно подкармливаться. С этими джентльменами я тоже не хочу связываться, тем более, что я даже не масон. Словом, еще не придумал к кому обратиться, но думать не перестану.

Я был бы очень обрадован письмом Алексея Васильевича и уж, конечно, не оставил бы его без ответа. Прошу и Вас нас не забывать. Меня интересует всё, в том числе и ваше мнение о настоящем и будущем Англии. И всё, что в ней творится. И есть ли какие-нибудь шансы у Мосли или его последователей".

Узнав о смерти Анатолия Григорьевича, Валентина Алексеевна откликнулась строками горькими и мудрыми, очень важными для нашего сегодняшнего понимания Макриды:

«Анатолий Григорьевич верил в русский народ и его природную добротность. Как-то на мои сетования, что вот появилась порнография и в русских книгах, я получила такой ответ: «Я заметил, что русские читатели за границей, по крайней мере, оказались неспособными оценить ароматической прелести порнографии и издание ее на русском языке убыточно... Совершенно так же, как в советской литературе, часто ни к селу, ни к городу в художественную сферу втягивается какая-нибудь вульгарная агитка, тоже ни к селу, ни к городу на Западе, как пошла втискивается сцена голых в постели...». О писателях же, пускающих в ход порнографию, он обронил: «Это говорит об их серьезных намерениях разбогатеть...». Выразительно, остроумно и – увь! – актуально...

В. А. Возчиков

Алтайская Государственная Академия Образования имени В. М. Шукшина, г. Бийск

СПАСИ БОГ!

Давно уже хотелось написать благодарственную заметку, посвященную Антону Борисовичу Васильеву, ставшему, если можно так выразиться, патентованным и аккредитованным поэтом «Нашей Страны»! И вот, последнее его сочинение «РУССКОМУ РАССЕЯНИЮ» (№ 3011, от 25 апреля 2015 года) побудило к этому.

Когда с глубокой грустью приходится констатировать как, один за другим, вчера ещё кажущиеся и считающиеся нашими единомышленниками и соратниками люди выдают своё настоящее лицо и нутро сторонников бело-красного слияния, не говоря о «белосовках», выступающих будто с Белых позиций в защиту украинских

самостийников, то спокойная прямолинейность Антона Васильева может только радовать и умилять малый остаток настоящих Белых.

*Не умирайте, Белый Стан,
Не уходите ввысь,
Куда от старости и ран
Праотцы поднялись /...
Не умирайте, наша честь
И память трёх веков!
Россия есть, пока вы есть,
Всех нас удел таков ...*

Нас осталось мало, но мы Русские. Нас мало, но мы остались Белые. С большим смирением и без тени самовосхваления должны мы принимать слова Антона Васильева.

«Не нам, не нам, а имени Твоему», как сказано в псалме должны мы постоянно повторять. Мы-то никто, всего лишь отблески славы Отцов, коими гордимся и чью память и подвиг дорожим. В этом, и только в этом, наша миссия и заслуга.

Среди повальной духовной и идейной разрухи, так утешительно видеть, что есть ещё люди способные это понимать, чувствовать и с таким талантом выражать.

Постаро-русскому обычаю скажем сердечное СПАСИ БОГ Антону Борисовичу Васильеву, достойному преемнику поэта Сергея Сергеевича Бехтеева — Бехтееву XXI века.

**Протоиерей Герман
Иванов-Тринадцатый**

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 И. Л. Солоневичем. Издательница: Лидия де Кандия. Редактор: Николай Леонидович Казанцев. Адрес для чеков: Nicolas Kasanzew, 6040 SW 49th St Miami FL 33155 USA. Адрес для писем: N. Kasanzew, Av. Cabildo 2349, Casilla de Correo 10, Buenos Aires 1428, Argentina. Цена годовой подписки: В Аргентине - 300 песо

В Европе - 55 евро. В Австралии - 80 американских долларов. В Канаде - 70 американских долларов. В США и остальных странах - 65 ам. долларов. Выписывать чеки на имя: Nicolas Kasanzew, for deposit only. Банковские передачи: Nicolas Kasanzew, 898057819537 Bank of America, 1108 Kane Concourse, Bay Harbor Islands, FL 33154-2068, USA Routing: 026009593 Swift: BOFAUS3N Мнения авторов не всегда выражают мнение газеты.

NUESTRO PAIS. Editor: Lidia de Candia. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Представитель во Франции - E. Karmazin, 41 Rue Joseph de Maistre, Paris 18-e, France. Редакция имеет право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5099-6932. Электронный адрес: kasanzew@gmail.com При перепечатке ссылка обязательна.